

- [Шолохов Михаил](#)

◦

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Шолохов Михаил

Один язык

Михаил Шолохов

Один язык

По станице Лужины давнишне грязная корка снега, недавно прилетевшие грачи в новом, цвета вороненой стали, оперении.

Дым из труб рыхл и тонок. Небо как небо - серое. Контуры домов расплывчаты от реденькой мглы, что ли. Лишь за Доном четкая и строгая волнится хребтина Обдонской горы да лес стоит, как нарисованный тушью.

В нардоме - районный съезд Советов. Начало. Секретарь окружкома партии уверенно расstanавливает слова доклада о международном положении. На скамьях - делегаты: сзади глядеть - краснооколые казачьи фуражки, папахи, малахи, дубленополушубча-2 тые шеренги. Единый сап. Изредка кашель. Редко - бороды, больше - голощекого народа с разномастными усами и без них.

Секретарь читает ноту Чемберлена. Из задних рядов запальчиво:

- Пущай не гавкает!

Председательствующий звонит стаканом о графин:

- К порядку!..

А после доклада, в получасовом перерыве, когда а фойе поник над папахами табачный дым, в гуле голосов услышал я знакомый, как будто Майданникова, голос. Растолкал ближних. Он, Майданников - вновь избранный председатель Совета хутора Песчаного. Вокруг него куча казаков. Самый молодой из них, в неизношенной буденовке, говорил:

- ...И повоюем.

- Наломают нам хвост...

- А раныше-то!

- У них, брат, техника.

- Техника без народу что конь без казака.

- Аль народу у них мало?

Майданников заговорил опять. Голос у него густомягкий, добротная колесная мазь.

- Ты брось это. Ты, односум, белым светом не того... Случись война она нам не страшная... Тю, да ты погоди! Дай сказать-то! Кончу я молоть, тогда ты засыпешь, а зараз слухай. Нас в германскую забрали в пятнадцатом году. Третьей очереди я был. Из станицы Каменской сотню нашу - на фронт. Пристебнули к Восьмой пешей дивизии, мы и ходим с ней, навроде как на пристежке. Побывали в боях. Под Стырью с коньми расстались. Всучили нам штыки на винтовку, и превзошли мы в кобылку. Воюем. В окопах и по-разному. А больше все в них. Год в проклятой глине просидели. Четыре месяца без отдыху. Вша нас засыпала! Тут - с тоски, а тут - немытые. И вши были разные: какие с тоски родются - энти горболясье, а какие с грязи - энти черные, ажник жуковые. Хучь они и разные, а кормили мы их одинаково: рубаху, бывалоча, сымешь, расстелешь на землю, как потянешь по ней фляжкой али орудийным стаканом - враз кровяная сделается. Палками их били, ремнями... Как животных, убивали. Вот до чего много их развели! Косяками в рубахах гуляли.

А сами воюем. За что, как и чего - никому не известно. Чужое варево хлебали.

Год прошел, и заняла меня тоска. Смерть - и все! Тут - но коню стосковался, по месяцам не видишь, как его коновод правдает; там - семья осталась неизвестно при чем. А главное, дело, за

что народ - и я с ним! смерть принимает, неизвестно.

В шестнадцатом году сняли нас с фронта, увели верст за сорок. В сотню пополнение пришло, почти что одни старики. Бороды пониже пупка, и все прочее.

Поотдохнули мы трошки, коней выправили. И вот тебе - бац! Из штаба дивизии приказ: двинуть нашу сотню к фронтовой линии. Там, мол, солдаты бунтуются, не желают в окопы, в глину лезть; с смертью кумоваться не желают...

Разъяснил нам есаул Дымбаш: так, мол, и так. Я взял тут, написал ему записку и кинул из толпы. "Ваше благородие, вы нам всчет войны разъясняли, что народ разных языков промеж себя воюет. А как же мы можем на своих идти?" Прочитал он и сменился с лица, а сказать ничего не сказал. Тут-то мы и разжевали, на что к нам старых казаков в сотню вили, да и то из староверов. Они за царя дюжей и за все дюжей могли стоять. Одно дело старые, служба давнишняя их вышколила, а другое дело - дурковатые, службой убитые. И то: в энти года в полку ум человеку отбивали скорей, чем косарь косу отобьет.

Погнали нас на солдатов. С нами четыре пулемета и броневая машина. Подходим к месту, где полк бунтует, а там уже две сотни кубанцев, ишо какие-то дикие и собой рябые, на калмыков похожие, окружают этот полк. Страшное, братцы, дело! За леском две батареи с передков снялись, а полк на прогалинке стоит и ропщет. К ним офицеры подъезжают, усватают их, а они стоят и ропщут.

Отдал есаул нашу команду, повынали мы палаши и - рысью, охватываем солдат подковой... И кубанцы пошли... И зачали солдаты винтовки кидать. Свалили их костром и опять ропщут.

А во мне сердце кровью закипает, аж на губах солено горит. Как я могу человека в энту могилу гнать, ежели я сам там жизни решался, жил в земле, как суслик?.. Подскакали. Вижу я: казак нашего взвода Филимонов сгоряча бьет солдата шашкой плашмя по морде. И на глазах моих пухнет у этого морда и вся в крови, а он оробел. Молодой солдатишко, и явно оробел. Так по мне мороз и пошел, не могу с собой совладать, подскакиваю: "Брось, Филимонов!" Он меня в мать, даром что старовер. Я палаш занес, пострашать хотел: "Брось, говорю, а то, истинный бог, срублю!" Он как рванет винтовку с плеча. Я его и ширнул концом палаша в глотку... Как в чучелу ширнул, а вышло - живого человека снял с земли... Получилось тут такое, что сам черт не разберет. Кубанцы зачали в нас стрелять, мы - в них. Дикие, рябые энти, на нас в атаку, а солдаты подхватили обратно винтовки и опять ропщут и стреляют по всей коннице. Там такая была волнения...

Захватили нас оттуда, сначала в тыл было направлены, потом как ахнули в Карпаты; с гашников не успели вшей обобрать, и вот тебе Карпаты. Идем ночью по ходам сообщения. Приказ - чтоб ни стуку, ни бряку. Оказалось, австрийские окопы в сорока сажиях от наших. День живем. Головы не высунуть. Дождь. Мокро. В окопах - по щиколотки грязи. Нету во мне ни сну, ни покою. Жизни нет! Как там, думаю: за что мы в этих окопах с смертью в обнимку живем? Стала мне колом в голове мысля, чтоб погутарить с австрийцами. Ихнpe солдаты по нашему гутарят. Иной раз шумят: "Пан, вы за что воюете?" - "А вы за что?" - шумим. Не можем порешить за дальностью расстояния. Думаю: вот бы собраться по-доброму, погутарить. Нету возможностей! Разделили народ проволокой, как скотину, а ить австрийцы такие же, как и мы. Всех нас от земли отняли, как дитя от сиськи. Должен у нас ить один язык быть.

И вот утром раз просыпаемся, а караульный шумит: "Гля, братцы, за нашу проводку зверь зацепился!" И австрийцы, слышим, взголчились, как грачи на жживье. Я это высунул трошки голову, а супротив меня стоит лось, зверь такой - навроде оленя, рога кустом. И зацепился за проволочные заграждения рогами. Левей нас по фронту сильные бои шли, вот стрельба и нагнала его промеж окопов.

Австрийцы шумят: "Пане, выручайте животную, мы стрелять не будем!" Я шинель с себя -

и на насыпь. Глянул на ихние окопы, а там одни головы торчат. Толечко я к зверю, а он - в дыбы, аж колья, укрепы, зашатались. Мне на помогу ишо трое казаков повыскакивали. Ничего не можем поделать - он к себе и близко не подпускает! Глядь, австрийцы бегут - без винтовок, и у одного ножницы.

Тут-то мы и загутарили. Наш сотник слег на насыпь в целит из винтовки в крайнего австрийца, а я его спиной заслоняю. Не могли же нас офицеры разогнать, и повели мы австрийцев гостями в свои окопы. Зачал я с одним говорить, а сам ни слова ни по-ихнему, ни посвоему не могу сказать, слеза мне голос секет. Попался мне немолодой австрияк, рыхеватый. Я его усадил на патронный ящик и говорю: "Пан, какие мы с тобой неприятели, мы родня! Гляди, с рук-то у нас музли ишо не сошли". Он слов-то не разберет, а душой, вижу, понимает, ить я ему на ладони мозоль скребу! Головой кивает: да, мол, согласен. И собралась окруж нас куча казаков и ихних. Я и говорю: "Нам, пан, вашего не надо, а вы нашего не трожьте. Давай войну кончать!" Он опять, вижу, согласен, а слов не разумеет и зовет нас руками к себе. Объясняет: там, дескать, есть наш, который по-русски кумекает. Мы и пошли. Вся сотня снялась и пошла! Офицеры напугались, ходу. Пришли мы в австрийские окопы. Чех у них по-нашему гутарит. Я с своим австрийцем гутарю, а он переводит. Я своему подовторил, что мы не враги, а родня. И опять же ему на ладони мозоль ногтем поскреб и по плечу похлопал. Он через чеха отвечает: я, мол, рабочий, слесарь, я очень согласен с вами. Говорю ему: "Давайте войну, братцы, кончать. Никчемущнее это дело. А штыки надо по сурепку тем вогнать, кто нас стравил". Его ажник в слезу вогнали эти слова мои. Отвечает, что дома бросил жену с дитем и согласен войну кончать. Шум мы подняли великий. А офицер ихний ходит индюком и зубы, падло, скалит. Братались мы и кохвей у них пили. И такой мы язык нашли один для всех, что слово им скажу, а они без переводчика на лету его понимают, шумят со слезами и целоваться лезут.

Как пришел я в свои окопы, то вынул из винтовки затвор, затолочил его в грязь и кровно побожился, что больше разу не стрельну в австрийского брата: в слесаря, рабочего, в хлебороба... В эту же ночь ушла наша сотня из окопов, разоружили нас возле деревни Шавелки. А спустя время получился переворот, царя в Петербурге наладили...

- Погоди,- перебил рассказчика молодой казак в буденовке,- а как же зверь?

- Зверь? Ему что, зверя мы выручили. Пыхнул, по тех пор его и видали. Беремя колючей проволки на рогах унес. Тут не в звере дело. Тут люди одним языком загутарили, а ты вот брешешь: война, война. Война будет известная: как доберемся до солдатов ихних, мозоль об мозоль черканется, и загутарим...

- Товарищи делегаты, заходите! - позванивая в колокольчик, крикнул кто-то со сцены.

Распирая створки двери, погромыхивая разговорами, в зал потекли сбитые в массив плотные толпы делегатов.

1927

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)